

Часть третья. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ - Глава 3. СКИТАНИЯ

§ 2. Умирание

6 июля 1504 г. умер отец Леонардо, и таким образом порвалась последняя нить, связывавшая его с родным городом. Дела его были плохи. В счет платы за "Битву при Ангиари", были получены и истрачены значительные суммы; отношение Сеньерии, возглавляемой недалеким и расчетливым Содерини, к художнику, который умел обещать, брать деньги, но не умел выполнить работу, были решительно испорчены. Денег на текущем счету не было. Только одна надежда на часть отцовского наследства давала возможность думать о безбедном существовании в течение нескольких месяцев. Но наследство оспаривается законными детьми, затянувшаяся тяжба в течение ряда дальнейших лет отнимает у Леонардо массу сил и энергии, а их у него и так уже остается немного.

Понятно поэтому, что Леонардо охотно принял приглашение маршала д'Амбуаза, французского начальника Миланской области, приехать для выполнения неизвестных нам, очевидно живописных работ, в Милан, хотя для этого ему 30 мая 1506 г. пришлось дать письменное обязательство и выставить поручителя в том, что он вернется в течение трех месяцев. Срок этот, однако, прошел, но Леонардо, который с легким сердцем отдыхал под крылышком богатого и могущественного мецената от дразг и хлопот флорентийской жизни, а не собирается возвращаться. В августе д'Амбуаз пишет флорентийской Сеньерии, прося ее продлить срок пребывания Леонардо в Милане, на что Сеньерия отвечает, что она не возражает против того, чтобы Леонардо остался в Милане сколько ему угодно, но категорически требует, чтобы он вернул полученные им деньги. Сам гонфалоньер Содерини занес в свои записи, что Леонардо "вел себя по отношению к нашей республике не так, как следует, ибо он взял значительную сумму денег и только начал большое произведение, которое должен был сделать" L. Beltrami. Doc. cit., p. 112.

Между тем Леонардо, как обычно, принялся за многочисленные и разнообразные работы. Грандиозными планами, глубокими и тонкими предложениями и светской беседой он окончательно очаровал миланского наместника, который 16 декабря опять просит флорентийскую Сеньерию отсрочить время отъезда Леонардо, причем пишет: "После того, как мы лично встретились с ним (Леонардо) и на опыте проверили все его доблести, мы действительно убедились в том, что имя его знаменито в области живописи, но темно в тех областях, которые заслуживают не менее похвал, ибо в них он весьма доблестен, и мы должны признать, что в доказательствах, на деле данных им во всем, что мы просили, — в чертежах и архитектуре и Других вещах, нужных нам, он нас удовлетворил в такой мере, что мы не только остались довольны им, но испытываем восхищение к нему" Ibidem, p. 113. Затем положение еще более осложняется, в дело вмешивается сам король Людовик XII, который в январе 1507 г. просит оставить Леонардо на его службе. Сеньерия, не желая портить дипломатические отношения с Францией из-за нескольких десятков дукатов, соглашается, скрепя сердце, еще отсрочить время возвращения Леонардо и дает ему даже соответствующее официальное распоряжение.

В Милане Леонардо, очевидно, живет прекрасно. Д'Амбуаз возвращает ему подаренный некогда Лодовико Моро участок земли с виноградником, отобранный было французами. Тот же Д'Амбуаз в июле 1506 г. просит Сеньерию оказать поддержку, Леонардо в его тяжбе с братьями, разрешает, наконец, бесконечную тяжбу с церковью св. Франциска по поводу "Мадонны в скалах" и даже отпускает Леонардо на короткое время во Флоренцию для улажения личных дел. Леонардо едет туда, в августе 1507 г. и остается до середины 1508 г., когда возвращается в Милан, чтобы больше уже не увидеть своего родного города.

Творческая деятельность Леонардо за эти годы хотя и не угасает совершенно, но постепенно падает. В области живописи он берется только за сравнительно небольшие произведения — портреты, станковые картины; в области техники занимается вопросами строительства каналов и укреплений, все меньше думает об аэроплане и все больше времени и внимания уделяет разного рода развлекательным приспособлениями, вроде описанного Вазари механического льва, который при въезде в Милан Людовика XII пошел к нему навстречу и открыл свою грудь, оказавшуюся наполненной королевскими лилиями. В области науки, в наименьшей мере зависевшей от внешних неудач, работа продолжается более упорно, хотя и здесь начинает замечаться умирание. Усиленно и постоянно ведутся анатомические штудии, и соответствующие зарисовки продолжают заполнять листы и тетради. Не прекращаются и наиболее близкие исследователю работы по механике, которые он опять и опять, как некогда в 90-х годах, пытается свести воедино, создав трактат, суммирующий работу ряда лет. Но и здесь сил у него уже немного, и некогда бодрые надежды на будущее сменяются неуверенностью в успехе грандиозного начинания, которое, будь оно выполнено, наверное, серьезно изменило бы развитие науки.

Характерно звучит запись первых строк той тетради, которая составляет начало нынешнего "Кодекса Арундель", тетради, где связано вместе значительное количество механических отрывков и как будто бы сделана попытка целостной их, обработки: "Начата во Флоренции, в доме Пьеро ди Баччо Мартелли, дня 22 марта 1508 г. И это будет собрание без порядка, извлеченное из многих бумаг, которые я писал, надеясь затем поместить их на свои места, в соответствии с темами, о которых они трактуют. Я думаю, что раньше достижения конца этой тетради мне придется повторять одну и ту же вещь много раз; поэтому, читатель, не ругай меня, ибо предметов много и память не может их сохранить и сказать: этого я не хочу писать, ибо уже раньше написал, так что если бы я хотел не впасть в эту ошибку, мне было бы необходимо в каждом случае, когда я хотел бы написать какую-нибудь запись (V), чтобы не повторять ее, перепечатывать все ранее написанное, тем более что я пишу с большими перерывами..." (Cod. Arund. 1 r.).

Непосредственно за этой записью мы находим тянущееся на первых двенадцати листах сплошное и почти строго последовательное изложение одного из вопросов механики (прогиба нити). Затем, на ряде следующих страниц — записи, относящиеся к различным проблемам той же дисциплины. Записи эти отражают, по-видимому, наиболее высокий уровень механических штудии Леонардо. Отличаясь значительной зрелостью и ясностью физической мысли, они еще не носят на себе следов старческого разложения, которые мы отметим в следующих кодексах. Чувствуя приближение старости, Леонардо

стремился зафиксировать еще живые для него, но уже начинавшие терять свежесть научные достижения своей юности.

Из характера его работы, равно как из приведенной записи, явствует, что к 1508 г. он уже вряд ли вел какие-нибудь серьезные новые исследования по механике. Главная его работа в этой области сосредоточивается на списывании старых записей и приведении их в порядок. Однако сил и энергии уже нехватает, чтобы надеяться на составление из хаоса разновременных записей цельного, стройного произведения. Из обращения к читателю, немыслимого в записях молодости, ясно, что он внутренне уверен в том, что дальше предварительного, глубоко суммарного подбора отрывков своих исследований по широким темам ему пойти не удастся, что и это его, может быть грандиознейшее и важнейшее из всех, творческое предприятие останется неоконченным и по существу недоступным потомству.

Для характеристики научного творчества Леонардо последнего десятилетия его жизни весьма показательно и то, что в нем все большую, а в последние годы и абсолютно доминирующую роль играют геометрические упражнения. При этом не упражнения, связанные с запросами строительной или живописной техники, попадавшие нередко и в его ранних записях, а имеющие чисто созерцательный характер: задачи перестройки одних фигур в другие, комбинирование фигур и тому подобные забавы, отражающие уже несомненно старческий упадок сил и научных чаяний, хотя иногда и не лишённые интереса сами по себе.

Возвратившись в Милан в 1508 г., Леонардо продолжает те же занятия. Он немного рисует, немного занимается тех, никой, немного наукой и, по-видимому, довольно часто бывает при дворе, от которого получает определенное жалованье, часто, впрочем, подолгу задерживаемое. Кроме того, в качестве дополнительного вознаграждения он получает доход от некоторого количества воды в одном из миланских каналов. Способ вознаграждения доходами от воды в городах, где было распространено промышленное использование каналов, был довольно обычным, но еще более неверным, чем жалованье. Действительно, записи Леонардо, относящиеся к этому времени, пестрят жалобами королю и его представителям на обшеты, недостаток воды и т. д. Вообще эти последние годы жизни Леонардо производят чрезвычайно тяжелое впечатление. Никогда не обладавший хорошим характером, он к старости стал брюзглив, раздражителен и придирчив. Как раз в это время, очевидно, старый любимец Салаи сменился новым, Франческо Мельци; его, а также слуг надо было кормить и одевать, да и сам начинавший прихварывать мастер нуждался во все более внимательном, а следовательно и дорогом уходе. И Леонардо требует и просит, судится и выпрашивает, тратя значительную часть своего драгоценного времени на тяжбу с братьями, на окончание тяжбы с церковью Сан-Франческо, на переговоры о недоплатах жалованья и споры о недодаче воды.

В области живописи Леонардо в это время, очевидно, выполнял свои последние, наиболее спорные работы — искусственные как по замыслу, так и по выполнению. Полные каких-то непонятных намеков и недомолвок, эти Иоанны крестители у Вакхи и Леды ясно говорят о творческом умирании гениального мастера. В области науки он

занимался в это время геометрическими построениями и анатомией. Последняя интересовала Леонардо как художника и экспериментатора, особенно же усердно занялся он ею, по-видимому, во время работы над "Битвой при Ангиари" во Флоренции, где принимал участие во вскрытиях; этим он продолжает заниматься и в Милане и особенно во время своего вторичного краткого пребывания во Флоренции в 1507—1508 гг. Как сообщает один из современников, Леонардо сам говорил о том, что участвовал во вскрытиях свыше тридцати трупов как мужских, так и женских Сообщение De Beatis, приведенное у W. v. Seidlitz, op. cit., v. II, P. 150 и 292. Результатом же этих вскрытий явилось поистине громадное количество мелких и крупных, детальных и более общих анатомических зарисовок, которые предназначены были опять-таки для того, чтобы составить единую, большую, всеобъемлющую работу по анатомии человека и млекопитающих — нечто вроде того, что через несколько лет дал в своей основоположной "Фабрике" Андрей Везалий. В 1510 г. работа продвинулась уже настолько далеко, что Леонардо рассчитывал в ближайшие месяцы закончить ее и занес на один из анатомических листов запись: "Этой зимой 1510 года я надеюсь закончить всю эту анатомию" Windsor. Anatomia F. A. 2 v. Цит. по L. Beltrami. Doc. cit., p. 131. Однако и это намерение, по-видимому, не осуществилось. Анатомические студии Леонардо, потрясающие по глубокой наблюдательности, остроте и свежести зрения и в особенности по чистоте, легкости и совершенству рисунка, вызвали и вызывают восхищение анатомов вплоть до наших дней. Для нас же они важны как последний, наиболее поздний памятник некогда неутолимой, но теперь все более утоляющейся жажды его к детальному, серьезному и самостоятельному изучению природы, к страстному стремлению вырвать у нее ее тайны, пользуясь при этом любым доступным оружием — книгой, экспериментом, карандашом художника.

Казалось, Леонардо обрел в Милане, своей второй родине, место окончательного успокоения; но уже в 1512 г. начало выясняться, что это не так. Положение французов в Милане начинает колебаться все более серьезно. Союз папы — воинственного, упрямого и своевольного Юлия II — с венецианцами и, что особенно важно, с испанцами опирался на наемные швейцарские войска и выставлял в качестве законного наследника на миланский престол сына Лодовико Моро — двадцатилетнего Максимилиана. Он начинает военные действия с французами и к 1512 г. одерживает победу за победой, так что в декабре 1513 г. сын когда-то наиболее близкого Леонардо покровителя торжественно въезжает в завоеванный Милан. Но Леонардо за это время успел из друга и любимца Сфорцы сделаться другом и любимцем французского короля и вряд ли мог ожидать чего-нибудь кроме репрессий от нового миланского властителя. Поэтому, просидев тихо несколько первых месяцев торжества новой власти, Леонардо в сентябре того же года уезжает из Милана, направляясь в Рим. Флоренция, после неприятностей с "Битвой при Ангиари", была для него закрыта, и он ограничивается одним-двумя днями пребывания в ней проездом. Выезжая, Леонардо заносит в одну из своих тетрадей: "Я уехал из Милана в Рим 24 сентября 1513 г. с Джиованни Франческо Мельци, Салаи, Лоренцо и Фанфойя" (Е. 1. г.). Он ехал не один, а в сопровождении целой школы учеников, любимцев и слуг.

Содержать такой большой штат можно было, только устроившись сразу же под крылом у какого-нибудь богатого и могущественного покровителя, и Леонардо, уже при выезде

из Милана, имел в виду такового. В мае 1513 г. на папский престол избирается сын Лоренцо Медичи Великолепного кардинал Джованни Медичи, принявший папскую тиару под именем Льва X. Новый папа и ряд его ближайших родственников, которых он по твердо установившейся папской традиции тащил за собой, был знаменит как великий жуир, любитель искусств, весельчак и расточитель. Именно про него ходил знаменитый анекдот о том, что, вступив на папский престол, он сказал, своему брату Джулиано, будущему покровителю Леонардо: "Будем наслаждаться папством, если бог его дал" ("Godiamoci il papato, poiclie Dio el l'ha dato"). У такого папы, которого, при избрании, надписи на триумфальных арках квалифицировали как Палладу, в противоположность Юлию II, названному Марсом, и Александру VI, названному Венерой, Леонардо, естественно, мог надеяться получить покровительство и поддержку. Папа любил блестящих придворных и шутов, а Леонардо был мастером острого слова и еще с молодости не прочь был подшутить над кем угодно. Папа был богат и щедр, а шестидесятилетний Леонардо более чем когда-либо нуждался в деньгах. Однако очень скоро выяснилось, что надежды Леонардо были преждевременны. Папа был избалован и торопился жить, а Леонардо, более чем когда-нибудь медлил, экспериментировал и раздумывал. Вазари, выражающий, очевидно, и в данном случае если не фактическое течение событий, то мнение о них, сложившееся уже у современников, так описывает пребывание Леонардо в Риме:

"Он поехал в Рим с герцогом Джулиано Медичи при посвящении папы Льва, который весьма интересовался философскими предметами и особенно алхимией; во время дороги он (Леонардо) изготавив некую массу из воска, делал тончайших животных, полных ветра, которые при дуновении летали по воздуху, при прекращении же дуновения падали на землю. Он прикреплял к ящерице, найденной бельведерским виноделом, животному весьма странному, чешую, снятую с других ящериц, на спине в виде крыльев, при помощи смеси ртутей, причем, когда ящерица ходила, эти крылья тряслись. Ей же он сделал глаза, рога, бороду и, приручив ее, держал в шкатулке, заставляя всех друзей, которым он ее показывал, убежать в страхе. Он часто поручал тщательно очистить от жира и промыть кишки d'un castrate, сделав их настолько тонкими, что они могли поместиться в ладони. Устроив затем в другой комнате пару кузнечных мехов, он соединял с ними конец этих кишек и дуя в них, наполнял ими всю комнату, которая была весьма велика, так что находившийся в ней должен был жаться к стенке, так как прозрачные, полные воздухом кишки, которые раньше занимали весьма мало места, в конце концов, занимали всю комнату, уподобляясь тем добродетели. Он делал бесчисленное количество таких безумств, занимался зеркалами и пробовал необычайнейшие методы, чтобы получить массу для живописи и лака с целью сохранения уже созданных произведений...

"Говорят, что, когда ему папой Львом была поручена работа, он тотчас же начал перегонять масла и травы, чтобы сделать лак, почему папа сказал: "Горе мне! Этот никогда ничего не сделает, ибо он начинает думать о конце еще до начала работы".

Этот рассказ Вазари является как бы заключительным аккордом творческой характеристики Леонардо, которую можно было бы начать с рассказа того же автора о леонардовой шутке с деревянным щитом, на котором он написал Медузу. Та же

страстная любовь к глубоко оригинальной, научно окрашенной, несколько жестокой и не веселой ни в какой мере шутке проявляется и в проделках двадцатилетнего, и в выдумках шестидесятилетнего художника. Но в то время, как первые были одновременно и шуткой, и научным и живописным экспериментом, в то время как они свидетельствовали о громадной творческой силе и лежащем впереди большом творческом пути, последние — уже только забавы и ничего больше, забавы, использующие большой научный опыт, но не ведущие вперед. В молодости — это шутка-эксперимент, в старости — это ухищрение, чтобы развеселить избалованного покровителя и тем заработать побольше денег. Ведь Лев X был известен не только своей любовью к наукам и искусствам, где вкус его был весьма поверхностным, но и своей страстью к шутам. Старый же художник и ученый, своим громадным ростом и длинной седой бородой напоминавший волшебника из "Влюбленного", или "неистового Роланда", должен был порой, очевидно, выступать рядом со знаменитым обжорой и шутом — братом Мариано, импровизатором и шутом — "архипоэтом" Камилло Кварко или полуполитиком, полупоэтом, полушутом кардиналом Бернардо Библииной Любовь Льва X к шутам служила неоднократно объектом специального изучения; мы пользовались краткой, но удачной характеристикой, данной в работе W. Chledowski. Rom, Die Menschen der Renaissance tibers. v. R. Schapire. B. I. Munchen 1913.

Вступая иногда в ряды шутов и увеселителей, Леонардо не был и не мог быть таковым с начала и до конца — он оставался живописцем, ученым, техником. Но как только он захотел выступить в этих областях, его постигло быстрое и тяжелое фиаско. Папа-флорентинец, великий любитель сплетен, конечно, был в курсе твердо установившейся за Леонардо репутации. Когда Леонардо начал свои обычные медленные эксперименты, папа и его придворно-шутовская клика высмеяли его, и Леонардо должен был бросить начатую работу. Таков смысл рассказа Вазари. Однако из него, равно как и из других свидетельств, явствует, что, разойдясь с самим папой, Леонардо все же не бросил сразу работы в Риме. Он выполнил несколько мелких живописных произведений и устроился придворным живописцем у брата папы, дегенеративного мечтателя, мистика и алхимика. Джулиано Медичи. Отказавшийся от флорентийского престола при восстановлении во Флоренции принципата рода Медичи, слабый и изнеженный, Джулиано, очевидно, подпал под влияние слегка таинственной и необычной личности Леонардо, а так как еще отец его, Лоренцо Великолепный, говаривал, что "старший сын его — Пьеро — глуп, второй — Джуованни (будущий папа Лев) — умен, а третий — Джулиано — добр", то Леонардо сумел использовать это расположение к себе, получая приличное жалованье (такое же, как в Милане) и выговорив большую часть времени для своих личных работ и занятий. В научной области Леонардо опять несколько больше занимается механикой, но и анатомия и геометрия не отходят на задний план.

По-видимому, именно в это время он заносит значительную часть записей в кодекс "Е" Парижского института, последний кодекс, содержащий большое количество заметок, относящихся к механике, почти всегда математически наиболее совершенных, но нередко небрежных, противоречивых, старческих, отражающих уже не живое научное творчество, а скорее воспоминание о нем. В области техники, которой он занимался хотя и по-старчески, но много, главными его занятиями являются как работы по устройству

каналов, так и особенно проекты (возможно, осуществленные) реорганизации или, вернее, механизации римского монетного двора. Богатый и расточительный покровитель построил для старого мастера особую мастерскую лабораторию, в которой последний и проводил свои опыты над новым методом чеканки монет. Попутно, по всей вероятности, он не брезговал и милым сердцу Джулиано алхимическим экспериментом.

Однако и этот период спокойной и сравнительно счастливой жизни Леонардо оказался весьма непродолжительным. В рукописи Леонардо сделал следующую запись: "Великолепный Джулиано Медичи уехал 9 января 1516 года, на заре, из Рима, направляясь в Савойю для женитьбы, и в тот же день умер король Франции". И то и другое событие оказались решающими в последних годах жизни Леонардо: через несколько месяцев покровитель его покинул навсегда Рим, а новый французский король, честолюбивый, воинственный Франциск I вступил с войском на полуостров, быстро овладел Миланом и заключил в Болонье в декабре 1515 г. союз со смертельно напуганным папой. При случайном свидании с Леонардо, которого он, по-видимому, встретил в Милане или в Болонье, так как последний, потеряв покровителя, очевидно, разъезжал, в поисках нового места, Франциск пригласил его к себе на службу. Франциску еще больше, чем его предшественнику Людовику, импонировал этот пользующийся европейской славой внушительный и светский старик, и он считал, что пребывание его при французском дворе будет неплохой рекламой и, следовательно, немало поможет его честолюбивым замыслам. Для Леонардо же не было другого исхода, как принять материально весьма выгодное и выраженное в крайне почетной форме предложение французского короля. Хотя и трудно было, 64-летнему старику покидать родную почву Италии, но родина проявила себя в течение всей его жизни столь неблагодарной, столь мало понимающей особенности его творчества, что вызывала в усталом художнике скорее презрение и злобу, чем любовь, да и искать нового места в Италии не было сил. В конце 1516 года или в начале 1517 г. Леонардо переезжает первый раз в жизни через Альпы и поселяется в королевской резиденции Амбуаз, где Франциск предоставляет ему небольшой, но комфортабельный замок Клу. В нем Леонардо и живет последние свои два с половиной года. Старческие болезни все более разрушают его некогда геркулесовский организм. Очевидно, сразу после приезда в Клу его разбивает удар, из которого он выходит с парализованной правой рукой. Несмотря на то, что работает он левой, это затрудняет его живописные занятия и позволяет только либо рисовать, либо подправлять работы учеников. Из научных работ он иногда возвращается к анатомии и к геометрическим забавам; об остальных же работах вспоминает как об ушедших в прошлое, и только техника, и это весьма характерно, опять занимает его. Он набрасывает планы создания новой системы каналов в местности, в которой живет, рассчитывает их промышленное использование и, возможно, сам консультирует начало работ по ним. Продолжает он также работы по устройству различных придворных празднеств, великим любителем которых является французский король.

В апреле 1519 г. физическое состояние Леонардо резко ухудшается. Он пишет завещание, оставляя все свое научное и художественное наследие последнему, самому верному на своих учеников и любимцев — Франческо Мельци. Материальные ценности он разделяет между предыдущим любимцем Салаи, слугой Баттистой де Вилланис и

служанкой Матуриной. Как это ни удивительно для скептика и атеиста Леонардо довольно значительные суммы оставляются церквам и богоугодным заведениям и на устройство пышных церковных похорон.

2 мая 1519 г. Леонардо умирает в Клу шестидесяти семи лет от роду, окруженный только небольшой группой своих ближайших учеников и слуг, — в комнате, наполненной сотнями листов неоконченных научных рукописей и полуоконченных живописных произведений, умирает, может быть вспоминая фразу, которую он записал при крушении своего покровителя Лодовико Моро: "И ни одно из его предприятий не было закончено им".

Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи, 1947